

Конфликт вокруг островов Сэнкаку 2012 г.: истоки и уроки

И.В. Дьячков

Недавний японо-китайский конфликт по поводу островов Сэнкаку (Дяоюйдао) привлек внимание академического сообщества к росту националистических настроений в Северо-Восточной Азии (СВА). Данная статья представляет собой попытку проанализировать территориальное измерение национализма в СВА; выявить факторы, делающие его наиболее заметной частью регионального политического дискурса; определить возможные факторы риска, связанные с использованием этого инструмента международной политики, и сделать ряд кратко- и долгосрочных прогнозов по поводу недавнего конфликта.

Даже беглый взгляд на сложившуюся в Северо-Восточной Азии систему международных отношений показывает, что национализм – очень заметная, если не ключевая, часть регионального политического дискурса. Причины этого достаточно очевидны:

- поскольку национализм является основным фактором социальной мобилизации во внутренней политике, вполне естественно его «выплескивание» («спилловер») на международный уровень;
- на протяжении многих веков взаимоотношения стран региона были осложнены острыми конфликтами, взаимными обидами и попытками взять реванш;
- близость общественных и политических культур обычно выступает как фактор единства, однако такое сходство может порой приводить к появлению у государств ощущения необходимости подчеркнуть свою уникальность и доказать себе и миру, что они лучше своих «братских» соседей;
- давние нерешенные территориальные конфликты.

Последний фактор может показаться малозначительным, всего лишь географической проекцией сложной истории региональных конфликтов. Тем не менее именно территориальный вопрос в последнее время вышел на первый план, и именно он может стать причиной многих бед, если его деструктивное влияние не будет нейтрализовано на данном этапе.

Национализм в Северо-Восточной Азии: территориальное измерение

Территориальные претензии, предъявляемые государствами СВА друг к другу, весьма разнообразны. Здесь и заявления, подкрепленные историческими доказательствами, зачастую сомнительными, неоднозначными, отсылающими к малозначительным аргументам и плохо сочетаемых с современной ситуацией; и искусственно сконструированные и частично реальные проблемы; и чисто националистические мифы в виде притязаний, выдвигаемых некоторыми китайскими и корейскими ультра националистами в отношении территорий Монголии, Сибири и российского Дальнего Востока.

Разумеется, радикальные идеи весьма редко звучат на официальном уровне и остаются уделом радикальных политиков и группировок. Тем не менее даже наиболее сюрреалистичные и абсурдные мифы нельзя списывать со счетов как нечто нерелевантное, далекое от региональной политики. Ибо эти мифы могут с легкостью быть реконструированы, поданы как историческая реальность и использованы как инструмент внутренней или внешней политики. Граница между мифом и реальностью в восточноазиатском политическом дискурсе проведена весьма нечетко. Страны региона не стесняются использовать подложные квазиисторические доказательства для укрепления своих позиций в территориальных спорах, в связи с чем порой дав-

но забытые проблемы вновь превращаются в предмет обсуждения, если одна из сторон решает, что такого рода диверсия будет ей выгодна. Поэтому даже самые дикие националистические фантазии, не разделяемые большинством политических сил страны, следует расценивать как потенциальный повод для беспокойства.

Новые угрозы стабильности

До недавних пор ситуация в СВА была более или менее стабильной. Потенциально опасные конфликты не развивались благодаря следующим факторам:

- как правило, территориальные споры рассматривались как инструмент внутривнутриполитической борьбы, а не как проблемы, подлежащие серьезному обсуждению на международном уровне. Эти споры использовались различными политическими группировками для достижения своих частных целей. Например, так называемая «курильская проблема» буквально кормит достаточно большое сообщество японских политиков-националистов. Правящие круги могут обратиться к территориальному спору для отвлечения внимания публики от более насущных проблем или для того, чтобы общественность, недовольная действиями властей, могла выпустить пар (такое использование территориальных проблем было характерно для Южной Кореи, например, во время попыток президента Ли Мен Бака продать подписание спорного соглашения о свободной торговле с США). Кроме того, любые политические силы, вне зависимости от заявляемой позиции, могут пытаться играть на националистических настроениях, используя территориальный вопрос, с целью заручиться общественной поддержкой, в особенности в преддверии выборов (так, Коммунистическая партия Японии придерживается весьма националистических позиций по проблемам Курил и Сэнкаку, несмотря на интернационалистский пафос коммунизма и собственную критику действий Японии во Второй мировой войне);

- незатухающие территориальные споры и поток взаимных обвинений, по-видимому, являются неотъемлемой частью восточноазиатской политической культуры и дискурса, отражающих сложное прошлое региона. Эти споры предназначены не для разрешения, а для постоянного обсуждения (если периодический обмен жесткими заявлениями можно назвать таковым):

- а) эти проблемы помогают политическим деятелям самореализовываться;

- б) на международном уровне эти споры становятся способом «сохранять лицо», укреплять престиж страны и позиционировать ее как могущественную державу. Все страны региона предъявляют территориальные претензии своим соседям, так как довольствоваться тем, что имеешь, с политической и культурной точки зрения оказывается дурным тоном;

- до сих пор статус-кво был достаточно прочен в силу того, что любое нарушение баланса дорого обошлось бы государствам, вовлеченным в конфликт:

- 1) страны региона имеют в своем распоряжении мощные вооруженные силы, при этом некоторые из них (Южная Корея и Япония) связаны договорами, которые неизбежно втянут в конфликт США. Этот фактор ограничивает использование «грубой силы» в решении территориальных споров;

- 2) пересмотр статуса-кво не соответствует интересам ни одной из стран, поскольку все они вовлечены во множество споров, где выступают то как претендент на обладание некоторыми территориями, то как их фактический владелец. Поэтому в случае регионального пересмотра статуса-кво все стороны могут потерять часть имеющихся у них территорий;

- 3) государства региона поддерживают мощные экономические связи, и, как небезосновательно утверждает теория взаимозависимости, эти связи могут успешно предотвращать открытые политические и военные конфликты¹.

Однако возможно, что наблюдаемая стабильность в реальности не столь нерушима и вышеперечисленные факторы все хуже удерживают территориальные конфликты на дипломатическом уровне. Статус-кво может быстро сломаться под националистическим давлением, а факторы безопасности – подвергнуться ряду существенных ограничений. Кроме того, в последние годы в развитии территориальных споров можно было заметить ряд весьма тревожащих моментов:

- во-первых, теперь стороны конфликта чаще выражают свою позицию действиями, а не заявлениями. В частности, в ноябре 2010 г. южнокорейские учения в спорной части акватории Желтого моря привели к обстрелу о. Енпхендо северо-корейской артиллерией, в ходе которого погибли люди. В сентябре 2012 г. японское правительство выкупило острова Сэнкаку (Дяоюйдао) у частного владельца. Таким образом, территориальные споры, ранее бывшие лишь своеобразным аспектом регионального политического дискурса, быстро превращаются в реальные конфликты.

Кроме того, в то время как даже на самые агрессивные заявления обычно отвечают аналогично, в словесной форме, реакция на агрессивные действия чаще всего подразумевает применение насилия, что может приводить к непредвиденным и с трудом поддающимся контролю результатам. В 2010 г. Южная Корея симметрично ответила на северо-корейский обстрел. В 2012 г. действия Японии привели к протестам в Китае, изначально носившим мирный характер, но вскоре гнев протестующих обрушился на японские предприятия. Быстрая эскалация особенно опасна в случае территориальных споров, поскольку преимущественно иррациональная природа национализма влияет на сущность основанных на нем конфликтов: они легко вспыхивают, но с трудом поддаются урегулированию;

- во-вторых, в течение минувшего полувека конфликты были относительно малозаметными, поскольку основные региональные державы (Китай, Япония, Южная Корея) были заняты внутренними вопросами и экономическим развитием. Накопленная за эти годы экономическая мощь была конвер-

тирована в политический и военный потенциал, и, похоже, сегодня этот потенциал пытается реализоваться на международной арене. Кроме того, утверждение, что экономическая взаимозависимость укрепляет региональную безопасность, несколько спорно. Даже самая глубокая экономическая взаимозависимость не может предотвратить гонку за политическое и военное превосходство в регионе, где по крайней мере три страны стремятся стать ведущей региональной державой и в перспективе стать видным игроком на глобальном уровне (при этом в прошлом Китай и Япония уже занимали позицию регионального лидера, что укрепляет их амбиции). Кроме того, экономические факторы не могут улучшить негативное восприятие соседей, сложившееся у стран региона исторически². Рациональные экономические соображения не подавили иррациональные националистические чувства, которые не только глубоко укоренены в истории, но и годами поддерживались политиками;

– в-третьих, в регионе традиционно отсутствует система разрешения международных конфликтов. В этом смысле наиболее показателен подход Китая к территориальным вопросам: китайское руководство предпочитает решать проблемы такого рода на двустороннем уровне и быстро дистанцируется от попыток интернационализировать процесс³. Многосторонний подход мог бы не только сдерживать эскалацию насилия и сгладить негативные последствия обострений, но и предотвращать обострения и разрешать конфликты. Без механизма международного урегулирования территориальные споры неизбежно будут скатываться к насилию.

Последствия эскалации

Вышеописанная стабильная природа территориальных споров и указанные факторы стабильности обладают определенной возможностью сдерживать территориальные споры на дипломатическом уровне. Тем не менее наблюдаемая стабильность может быстро разрушиться, а перечисленные факторы безопасности обладают весьма существенными ограничениями, в то время как всплеск националистических настроений может иметь весьма негативные последствия.

Национализм – очень опасный инструмент внешней политики. В некотором смысле это – международно-политическая «атомная бомба»: националистическими настроениями легко воспользоваться и добиться впечатляющих результатов, но международные последствия таких действий зачастую могут обернуться катастрофой не только для «жертвы», но и для пошедшего на подобный риск государства. Конфликты, осложненные этническим или религиозным факторами, непредсказуемы. Они с трудом поддаются урегулированию, не говоря уже о разрешении. Причина этого – в иррациональной природе националистических и религиозных идей: Т. Зонва весьма обоснованно называет национализм «светской религией», поскольку он основан на вере в догматы⁴. Вовлеченные в такой конфликт стороны могут отказываться от рациональных стратегий в пользу шагов, продиктованных эмоциями или

ожиданиями толпы. Эта общая черта конфликтов, осложненных националистическим элементом, в Северо-Восточной Азии подкрепляется рядом специфически региональных факторов:

– в СВА присутствуют две признанные ядерные державы (Россия и Китай), непризнанное ядерное государство (Северная Корея, чьи отношения с рядом государств региона весьма напряжены) и два пороговых государства. Кроме того, США, еще одна ядерная держава, обладает существенным военным присутствием в регионе. Ядерный фактор превращает даже небольшие региональные военные стычки в повод для беспокойства;

– неразрешенные проблемы в исторической памяти подогревают националистические чувства и ведут к требованиям «справедливой» компенсации. Мировая история знает множество примеров того, как националистический подход к проблемам прошлого вредил региональной безопасности. Один из наиболее драматичных – ситуация в Европе, в частности Судетский кризис;

– вышеупомянутая размытость границ между мифом и исторической реальностью, характерная для восточноазиатского политического дискурса, порождает еще один повод для беспокойства. Если какая-то из восточноазиатских стран перейдет к одностороннему решению территориальных вопросов, разработанная ультранационалистическая мифология станет неисчерпаемым источником для все новых и новых претензий;

– сегодняшняя региональная конфигурация безопасности исторически формировалась под влиянием корейской проблемы. Обе Кореи претендуют на суверенитет над всем Корейским полуостровом, что является крупнейшим территориальным спором в регионе (разумеется, за исключением претензий Тайваня на территорию материкового Китая), который уже приводил к крупномасштабному кровопролитию. Кроме того, Корейская война 1950–1953 гг. не завершилась мирным договором, и вооруженные силы обеих Корей постоянно готовы к столкновению. Тугой узел корейских проблем остается существенной угрозой региональной безопасности и может привести к кровопролитию вновь, если ситуация в СВА дестабилизируется.

Кроме того, даже «меньшие» корейские проблемы, связанные с нерешенным «большим» корейским вопросом, обладают серьезным деструктивным потенциалом. Например, морские стычки в районе демаркационной линии в Желтом море (так называемая «Северная разграничительная линия»), проведенной силами ООН в 1953 г. и не признанной северокорейцами (проблему разграничительной линии можно считать территориальным спором внутри большого, всекорейского территориального спора), к сожалению, достаточно регулярны. В 2010 г. произошла артиллерийская перестрелка у о. Енпхендо, но столкновения, завершавшиеся военными и гражданскими потерями для обеих сторон, происходили с конца 1990-х гг.;

– наибольшая проблема связана с отсутствием региональной системы безопасности. Единственное подобие региональной структуры является релик-

том биполярной эпохи: это американская система двусторонних военных договоров (так называемая «система оси и спиц»), с одной стороны, и китайско-северокорейский союз, скрепленный договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1961 г., – с другой. Китай, по договору обязанный защитить Северную Корею, не говорит однозначно о том, предоставит ли он в соответствующем случае реальную военную помощь Пхеньяну, либо придерживается иного толкования «военной» статьи договора, но данный документ остается элементом несовершенной региональной структуры безопасности⁵.

Система «оси и спиц» изначально создавалась для сдерживания коммунизма и советской военной и политической экспансии, но затем была «перенацелена» на сдерживание Северной Кореи (которая воспринимается как основной источник военной угрозы в Сеуле и Токио). Более важной, но неозвучиваемой новой задачей системы «оси и спиц» стал контроль над растущей мощью Китая и противодействие ей. Многие западные ученые описывают данное положение вещей как стабильный баланс угроз, положительно оценивая роль американских военных союзов. Но такая конфигурация безопасности обладает рядом очевидных недостатков:

- она является конфронтационной по своей природе, как следствие, возможные в ее рамках варианты взаимодействия подчинены логике конфронтации. Неореалистский баланс угроз, изобретение времен «холодной войны», оказывается единственной гарантией безопасности в регионе;

- данная система не подразумевает механизмов, защищавших бы от насильственного пересмотра баланса, наоборот, сама ее природа делает основными стратегиями поведения противодействие и возмездие, а не обсуждение и мирное разрешение проблем. С институциональной точки зрения в СВА отсутствует механизм решения региональных конфликтов, что особенно опасно в случае с взрывоопасными территориальными спорами. Кроме того, конфронтационная структура безопасности не сокращает негативное влияние исторических проблем на региональный политический дискурс.

Конфликт вокруг островов Сэнкаку: приметы подъема Китая

Анализ недавнего японо-китайского конфликта по поводу островов Сэнкаку (Дяоюйдао) позволяет проследить малозаметные сдвиги в региональной международно-политической ситуации и изменения во внешней политике стран СВА, в частности Китая. Сентябрьские антияпонские выступления в КНР обеспокоили многих наблюдателей. Хотя подобные протесты нередки в СВА, где антияпонские настроения сильны во многих странах, на этот раз демонстрации были беспрецедентно масштабными и дерзкими.

Некоторые аналитики объясняли эту особенность, ссылаясь на когнитивный разрыв между реальными внешнеполитическими действиями Китая и ожиданиями китайского общества. В соответствии с такими выкладками, несмотря на то что международно-политические шаги Китая порой

воспринимаются иностранными наблюдателями как агрессивные и экспансионистские, китайская общественность критикует власть за чрезвычайную осторожность и пренебрежение государственными интересами. Таким образом, протесты были способом выражения обществом своего мнения по поводу внешней политики и попыткой подтолкнуть официальный Пекин к более смелому ответу на японскую провокацию.

Интересно, что такая точка зрения часто озвучивается «полуофициальными» китайскими аналитиками. Например, Ван Цзисы, директор Института международных исследований Пекинского университета, в своем интервью японской газете «Асахи симбун» (которое было недвусмысленно озаглавлено «Китай следует уважать как ведущую державу») заявил, что «китайское правительство зажато между внешними и внутренними оценками»⁶.

Это рациональное объяснение кажется исчерпывающим, однако реальность не так проста. Хотя Китай постепенно движется к политической либерализации, он по-прежнему не достиг той ее стадии, на которой общество может напрямую влиять на принятие внешнеполитических решений. Если принять во внимание структуру политической системы Китая и особенности господствующего в стране политического дискурса, становится трудно вообразить себе, что «неудобные» властям шумные публичные протесты могут затянуться на недели и уж тем более так широко освещаться в прессе. Этот момент, а также весьма высокая степень организованности якобы стихийных выступлений указывают на то, что они скорее поддерживались (если не проводились) властями, а не оказывали давление на власть. Кроме того, в последнее время китайское академическое сообщество издало множество статей, оплакивающих территориальные «потери» Китая и критикующих пассивную позицию страны в соответствующих международных спорах. За якобы общественной инициативой могут быть скрыты попытки прозондировать мнение международного сообщества и обосновать вероятный будущий сдвиг внешнеполитической парадигмы. Другими словами, ситуация говорит о том, что Китай решил прибегнуть к национализму для решения довлеющих внутренних проблем и перехода к новой внешнеполитической линии.

Китайские власти могут пытаться использовать ксенофобию и национализм, чтобы отвести от себя общественное недовольство, направив его на заморского «козла отпущения» в условиях, когда растущие региональные диспропорции и неизбежное замедление экономического роста создают социальные проблемы. Разумеется, подобные шаги не решат саму проблему и, помимо этого, негативно повлияют не только на региональную безопасность, но и на безопасность самого Китая. Гипотетически, вдохновленные властями, общественные выступления могут выйти из-под контроля и обернуться непредвиденными неприятными последствиями для своих вдохновителей. Исторически КНР уже знакома с таким сценарием со времен «культурной революции» 1966–1976 гг.

В ноябре 2012 г. XVII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая избрал новое руководство страны. Хотя механизм передачи власти в Китае отлажен и никаких неожиданностей не могло произойти, властям, знающим о растущем недовольстве общества недемократическим характером процедуры, была необходима небольшая контролируемая диверсия. Кроме того, как указывалось выше, обращение к национализму с целью обеспечения общественной поддержки и стабильности политической обстановки в преддверии выборов или иной формы передачи власти – популярный в восточноазиатском политическом дискурсе ход (японское правительство, испытывающее политические трудности, похоже, эксплуатировало конфликт сходным образом).

Кроме того, данные события могут быть показателем того, что новое руководство Китая коренным образом поменяет внешнеполитический курс страны. С конца 1980-х гг. Китай следовал изоляционистской парадигме Дэна Сяопина, сводящейся к тому, что Китаю следует быть менее заметным на международной арене, чтобы обеспечивать стабильный фон для внутреннего развития. Сейчас же, когда экономическая мощь КНР позволяет ей на равных конкурировать с Японией и позволит в недалеком будущем обойти США, власти и общество Китая признают необходимым конвертировать экономическое влияние в политические дивиденды, что уже практически и происходит.

Помимо экономической мощи, Китай также обладает значительным военным потенциалом. При этом характерно, что большая часть военного бюджета расходуется на развитие военно-воздушных сил и флота, то есть тех видов вооруженных сил, которые в наибольшей степени подходят для силового решения территориальных споров с соседями⁷.

Вышеописанные призывы китайского общества по расширению внешнеполитической повестки лишь частично вдохновлены властью, общественность и политики действительно ощущают явный контраст между пассивностью международной позиции страны (которая воспринимается как слабость) и растущим глобальным и региональным политическим потенциалом. Возможный повод для беспокойства можно увидеть в заявлениях, говорящих об «исторической миссии»⁸ китайской армии или неизбежном превращении КНР в «ответственную державу».

Здесь интересно отметить, что пятое поколение китайского руководства, пришедшее к власти в ноябре, в отличие от своих предшественников, исторически и политически является продуктом «культурной революции». Это не означает, что новый истеблишмент наверняка более радикален, чем ушедшее поколение руководителей, но его восприятие политических проблем, скорее всего, будет принципиально иным.

Взгляд в будущее

Какими будут последствия недавнего конфликта вокруг островов Сэнкаку? В краткосрочном периоде его влияние будет пренебрежимо малым. На данный момент он выполнил свои задачи, и сторонам нет смысла его продолжать (что, разумеется, не означает, что конфликт разрешен). Продолжение спора обойдется дорого: эскалационная логика предполагает подъем ставок с каждым новым ходом. В краткосрочном периоде экономическая и технологическая взаимозависимость удержит Японию и Китай от резких шагов (опять же это не панацея, и международная политика не является производным от международной экономики).

Не следует доверять обманчивому ощущению безопасности. Азиатский национализм неумолимо выплескивается из внутривнутриполитической сферы во внешнеполитическую, и каждый новый международный конфликт с националистической начинкой – еще одна капля, точащая камень региональной стабильности. Отсутствие краткосрочных последствий дает политикам возможность пойти на больший риск в следующий раз. Если политические элиты региона не увидят потенциальную опасность, Северо-Восточная Азия вскоре может оказаться на грани катастрофы.

Dyachkov I. V. The 2012 Senkaku Dispute: Origins and Lessons.

Summary: The recent Sino-Japanese conflict over the Senkaku (Diaoyu) Islands has turned the attention of the academic community toward growing nationalist sentiment in North East Asia. This paper is an attempt to analyze the territorial dimension of the region's nationalism, identify various factors that are bringing nationalism to the fore, warn of the possible dangers of using this political tool and make some short- and long-term predictions concerning the recent dispute.

Ключевые слова

Национализм, острова Сэнкаку (Дяоюйдао), Северо-Восточная Азия, территориальные споры.

Keywords

Nationalism, North East Asia, territorial disputes, Senkaku (Diaoyu) islands.

Примечания

1. Keohane R. Power and Interdependence. / R. Keohane, J. Nye. – New York : Longman, 2001.
2. Panda R. Japan and China: Negotiating a Perilous Course / R. Panda // India Quarterly. – 2012. – 68 (2). – P. 136.
3. Ibid, p. 151.
4. Зонova Т. «Светские религии» и дипломатическая концепция баланса сил // Сравнительная политика. 2011. № 4. С. 46
5. Choo, Jaewoo. Mirroring North Korea's Growing Economic Dependence on China: Political Ramifications // Asian Survey. – 2008. – Vol. 48, 2.
6. Wang Jisi. China deserves more respect as a first-class power // The Asahi Shimbun. – 2012. – Mode of access: <http://ajw.asahi.com/article/views/opinion/AJ201210050003>
7. Корсун В.А. В Китае ведется психологическая подготовка населения к войне // Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document226483.phtml>
8. Mulventon J. Chairman Hu and the PLA's «New Historic Missions» // China Leadership Monitor. – 2009. – 27.